

М. Н. Катков

М. Н. Катков о Пушкине

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
М11

М. Н. Катков
М11 М. Н. Катков о Пушкине / М. Н. Катков – М.: Книга по Требованию, 2012. –
107 с.

ISBN 978-5-458-08412-3

Издание Лицея в память цесаревича Николая по случаю празднования
столетия со дня рождения Пушкина.

ISBN 978-5-458-08412-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2012

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2012

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

поэтъ не одной какой-нибудь эпохи, а поэтъ цѣлаго Человѣчества, не одной какой-нибудь страны, а цѣлаго міра; не лазаретный поэтъ, какъ думаютъ многіе, не поэтъ страданія, но великій поэтъ блаженства и внутренней гармоніи. Онъ не убоился низойти въ самыя сокровенныя тайники русской души... Глубока душа русская! Нужна гигантская мощь, чтобы изслѣдить ее. Пушкинъ изслѣдилъ ее и побѣдоносно вышелъ изъ нея, и извлекъ съ собою на свѣтъ все затаенное, все темное, крившееся въ ней... Какъ народъ Россіи не ниже ни одного народа въ мірѣ, такъ и Пушкинъ не ниже ни одного поэта въ мірѣ.

Германцы опередили насъ въ оцѣнкѣ нашего Пушкина! Но дай Богъ, чтобы это было въ послѣдній разъ, дай Богъ, чтобы мы почувствовали, наконецъ, въ себѣ силы къ самобытной и самосозидательной умственной дѣятельности. Этой сладкой надеждой мы заключаемъ наше краткое введеніе въ статью Варнгагена-фонъ-Энзе, статью, въ которой мы слышимъ какъ бы изъ другого міра звучащій въ привѣтъ Россіи и ея великому поэту голосъ самого Гегеля *).

М. Катковъ.

Еще недавно ранняя смерть русскаго поэта Пушкина возбудила всеобщее горестное участіе, которое даже и тамъ, гдѣ Пушкинъ не былъ непосредственно знакомъ какъ художникъ, даже и тамъ не замедлило обнаружиться всеобщимъ участіемъ. Что онъ былъ поэтъ,—это было принято тогда на слово, на вѣру; однакожь, вдохновеніе, съ какимъ превозносили его соотечественники, единодушное признаніе, которое талантъ его нашель у нихъ, и глубокое чувство, съ

*) Журналь *Jahrbücher für wissenschaftliche Kritik* былъ основанъ Гегелемъ; въ то время журналь издавался учениками Гегеля.

какимъ его поэзія принята всѣми классами народа, служить несомнѣннымъ ручательствомъ за его художественное достоинство. Кто бы изъ насъ, Нѣмцевъ, могъ судить объ этомъ явленіи, объ этомъ чудѣ, явившемся въ той странѣ сѣвернаго неба, которая закрыта отъ нашего взора, странѣ, къ которой едва ли даже могъ обращаться этотъ взоръ? Мы, которые славимся ревностію, смысломъ, силою въ изученіи всѣхъ народовъ и языковъ самыхъ древнихъ, самыхъ темныхъ, самыхъ отдѣльныхъ, мы, которые не обходимъ ни одного предмета, доступнаго для духовнаго постиженія и обработыванія, мы такъ мало до сихъ поръ сдѣлали для того, чтобы духовно сблизиться съ Славянами, во всѣхъ отношеніяхъ такъ высоко важными, съ племенемъ рядомъ съ нами живущимъ, переплетшимся съ вѣтвями нашего племени.

Главная задача состоитъ въ изученіи русскаго языка, и какъ ни велика трудность этого предпріятія, можетъ быть, ни одинъ языкъ не вознаградитъ богаче за труды изученія. Мы должны здѣсь отбросить много предразсудковъ. Русскій языкъ, самый богатый и самый могучій изъ всѣхъ славянскихъ нарѣчій, можетъ состязаться съ самыми образованными языками нынѣшней Европы. Богатствомъ словъ онъ превосходитъ языки романскіе, богатствомъ формъ—языки тевтонскіе, и какъ въ томъ, такъ и въ другомъ отношеніи способенъ къ дальнѣйшему развитію, которое означить теперь невозможно. Въ благозвучіи, силѣ и нѣжности русскій языкъ не уступитъ ни одному сѣверному языку и можетъ даже состязаться съ южными. Онъ соединяетъ обиліе согласныхъ, которыми давимся мы, произнося наши нѣмецкія слова, съ полнотою гласныхъ, въ которыхъ расплывается языкъ итальянскій. Вслѣдствіе этого, въ немъ каждый звукъ сохраняетъ всю полноту свою, всю индивидуальность своего выраженія, и онъ способенъ на все подъ рукою мастера.

Его просодическія и метрическія начала имѣютъ въ основаніи и направленіи много общаго съ нѣмецкими; предлагая самыя полнозвучныя рѣзмы, русскій языкъ подчиняется самой строгой, самой отчетливой просодіи. Припомнимъ, что русскій, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ, суть единственные языки, на которые Иліада переведена гекзаметрами, и что нѣмецкій переводчикъ Данта долженъ позавидовать прекраснымъ терцинамъ, которыми Шевыревъ перевелъ надпись надъ вратами ада. Мелодію и прелесть стиховъ Жуковскаго слышитъ даже чуждое ухо, въ которое вливаются только одни звуки.

Если въ такомъ языкѣ проснется поэзія, то надобно ожидать великихъ явленій. Хотя безъ поэзіи не живетъ ни одинъ народъ, хотя ни одинъ языкъ ни въ какое время не существуетъ безъ нея, однакожь, здѣсь не должно упускать изъ вида важнаго различія. И до Агамемнона были герои, но они все-таки были ниже его славою, если бъ даже ихъ имена, ихъ подвиги сохранились въ потомствѣ. Русскіе давно еще могли хвалиться своимъ Ломоносовымъ, своимъ Державинымъ и многими; но русская поэзія еще не пробилась въ произведеніяхъ всѣхъ этихъ поэтовъ. Мы можемъ видѣть на себѣ, какъ долго можетъ замедляться развитіе этого цвѣтка, при роскошномъ процвѣтаніи другихъ сторонъ народной жизни; наша поэзія со вчерашняго дня; до Гете и Шиллера Нѣмцы не имѣли поэта-выразителя ихъ совокупнаго образованія во всей его цѣлости. Естественная поэзія (*Naturpoesie*) народа соединяется въ произведеніяхъ поэта съ художнически-усвоеннымъ содержаніемъ всеобщаго, всемірнаго прогресса, на которое каждая нація имѣетъ свое право, котораго часть развиваетъ она своею жизнію и которое сопроникается въ поэтѣ съ ея народностью.

Такая поэзія въ послѣднее время пробилась на свѣтъ у Русскихъ, и ея чистѣйшее, могущественнѣйшее выраженіе есть Пушкинъ. Изъ многочисленныхъ,

разнообразныхъ рядовъ предшественниковъ и послѣдователей, группирующихся вокругъ него, возвышается его величавая глава; всѣ они объемлются имъ, всѣ они находятся въ немъ. Въ самомъ дѣлѣ, онъ есть выраженіе всей полноты русской жизни, и потому онъ націоналенъ въ высшемъ смыслѣ этого слова. Русскіе сами, по скромности и осторожности, нерѣдко называютъ Пушкина подражателемъ (о, если бы только по одной скромности и осторожности! замѣчаетъ въ прим. М. Н. Катковъ). Но они ужъ слишкомъ далеко простерли эту скромность, или эту осторожность. То же самое было говорено о лордѣ Байронѣ. Его поэзія часто можетъ показаться подражаніемъ и, однакожъ, въ ней нѣтъ ни сколько подражанія и, однакожъ, она вся вышла изъ его собственного духа. Какъ океанъ есть общій резервуаръ, въ который сливаются рѣки всѣхъ странъ, такъ точно запасъ духовнаго богатства, скопленный вѣками, есть общее достояніе, которымъ всякій можетъ пользоваться, изъ котораго всякій можетъ черпать и усваивать себѣ все, что ему нужно.

Что Пушкинъ есть поэтъ оригинальный, поэтъ самобытный, это непосредственно явствуетъ изъ впечатлѣнія, производимаго его поэзіей. Онъ могъ заимствовать внѣшнія формы, но жизнь, вызванная имъ, жизнь совершенно новая. Если онъ напоминаетъ Байрона, Шиллера, даже Виланда, далѣе—Шекспира и Аріоста, то это указываетъ только, съ кѣмъ можно его сравнивать, а не отъ кого должно его производить. Съ Байрономъ онъ рѣшительно принадлежитъ къ одной эпохѣ и даже, можно сказать, съ Шиллеромъ, сколько позволятъ допустить это нѣкоторыя существенныя измѣненія, происшедшія со времени Шиллера во внѣшнемъ состоянціи жизни. Самый внутренний міръ, раскрывшійся въ духѣ поэта, зиждется большею частью на тѣхъ же основаніяхъ, какія мы видимъ у этихъ поэтовъ; въ немъ та же противоположность и раздоръ

мечты съ дѣйствительностью, та же тоска, то же полное сомнѣній уныніе, та же печаль по утраченномъ и грусть по недостижимомъ счастіи, та же разорванность и величественная, великодушная преданность,—всѣ эти качества, особенно преобладающія въ Байронѣ. Но главное, существенное свойство Пушкина, отличающее его отъ нихъ, состоитъ въ томъ, что онъ живымъ образомъ слилъ всѣ исчисленныя нами качества съ ихъ рѣшительною противоположностью, именно: съ свѣжею духовною гармоніей, которая, какъ яркое сіяніе солнца, просвѣчиваетъ сквозь его поэзію и всегда, при самыхъ мрачныхъ ощущеніяхъ, при самомъ страшномъ отчаяніи, подаетъ надежду и утѣшеніе. Въ гармоніи, въ этомъ направленіи къ мощному и дѣйствительному, укрѣпляющемъ сердце, вселяющемъ мужество въ духъ, мы можемъ сравнить его съ Гете.

Истинная поэзія есть радость и утѣшеніе, и для того, чтобы точно быть этимъ, она нисходитъ до всѣхъ страданій и горестей. Укрѣпляющую, живительную силу Пушкина испытаетъ на себѣ всякій, кто будетъ читать его созданія. Его геній столь же способенъ къ комическому и шутливому, сколько къ трагическому и патетическому; особенно же склоненъ онъ къ ироническому, которое часто переходитъ у него въ юморъ, въ благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Свѣтлая гармонія, бодрое мужество составляютъ основу его поэзіи, основу, по которой всѣ другія его свойства пробѣгаютъ какъ тѣни или, лучше сказать, какъ отбѣнки. Его характеру вполне равновѣсно его выраженіе: вездѣ быстрая краткость, вездѣ свѣжій, совершенно самостоятельный, сосредоточенный образъ, яркая молнія духа, рѣзкій оборотъ. Мало поэтовъ, которые были бы такъ чужды, какъ Пушкинъ, всего изысканнаго, растянутаго, всякаго *son amore* набираемаго хлама. Его естественность, довольствующаяся самымъ простымъ словомъ, быстро схватывающая и быстро отпускающая

каждый предмет; его могучее воображеніе, полное со-грѣвающей теплоты и величія; его то кроткое, то горькое остроуміе, все соединяется для того, чтобы произвести самое гармоническое, самое благотворное впечатлѣніе въ духѣ непрерывно-занятаго и непрерывно-свободнаго, ни минуты не мучимаго читателя.

Для русскаго это впечатлѣніе тѣмъ могущественнѣе, что проникаетъ также въ его національное существо и пробуждаетъ въ немъ всю полноту жизни его отечества, его народа. Созданія Пушкина всѣ полны Россіею, Россіею во всѣхъ ея направленіяхъ и видахъ. Мы ближе разберемъ значеніе того, что сейчасъ нами сказано, и посмотримъ, какъ національность Пушкина была выгодна для его поэзіи. Всякій поэтъ, который не теряетъ въ идеальныхъ общностяхъ, выговариваетъ болѣе или менѣе жизнь своего народа, характеръ своей страны, и во всякомъ случаѣ качество этой жизни и этого характера имѣетъ сильное вліяніе на его поэзію. Но почти всегда кругъ, очерчиваемый имъ, тѣсенъ; изъ этого круга почти всегда выходитъ только нѣчто одностороннее, нѣчто однообразное.

Байронъ избѣжалъ этой тѣсноты, прибавивъ къ англійскому испанское, нѣмецкое, итальянское и греческое; но онъ обогатилъ свою поэзію не иначе, какъ непрерывными своими путешествіями. Если Гете умѣлъ, сверхъ нѣмецкихъ элементовъ, включить въ свою поэзію элементы славянскіе и восточные, то это удалось ему только вслѣдствіе нѣкоторыхъ условій его жизни и по особенной могучести его духа. Но русскому поэту все это разнообразіе разрозненныхъ пространствомъ и духовно-различныхъ элементовъ дается уже само собою; все это уже онъ находитъ въ своемъ національномъ кругу. Ему равно доступны, равно родственны югъ и сѣверъ, Европа и Азія, дикость и утонченность, древнее и повѣйшее; изображая самые различные предметы, онъ изображаетъ предметы оте-

чественные. Величина и могущество Россіи, объемъ и содержаніе русской имперіи имѣютъ въ этомъ отношеніи самое благотворное вліяніе; мы можемъ отсюда видѣть, въ какомъ внутреннемъ соотношеніи съ государствомъ живетъ поэзія. Состоя изъ тѣхъ же самыхъ основныхъ стихій, какія дѣлаютъ государство могущественнымъ, поэзія развивается изнутри наружу (*von innen her*). Пушкинъ, владѣя мощными силами, вполне воспользовался выгодою своей національности, вполне осуществилъ ее. Созерцая самыя противоположныя изображаемыя имъ состоянія, чувствуешь, что они всѣ равно принадлежатъ поэту, что онъ на всѣхъ ихъ имѣетъ равныя права; они его, они—русскія. Мы можемъ здѣсь, выражаясь собственными словами поэта, сказать:

Отъ финскихъ хладныхъ скалъ до пламенной Колхиды,
Отъ потрясеннаго Кремля
До стѣвъ недвижнаго Китая.

вездѣ—въ мірѣ сельскихъ нравовъ и въ блестящемъ модномъ свѣтѣ, въ великолѣпныхъ палатахъ и подъ стѣною цыганской кущи, вездѣ онъ на своей родной почвѣ и вездѣ на этой почвѣ даетъ отпрыски его поэзія. Дѣйствительно, весь этотъ богатый міръ, во всемъ его объемѣ, Пушкинъ претворилъ въ поэтическое созерцаіе.

Евгеній Отпѣвъ.

Это произведеніе, которому дала матеріаль пышнѣшная дѣйствительность, романтическіе образцы вышнюю форму, построй, а высокій творческій геній духовное содержаніе и внутреннюю форму,—нашло, какъ вѣрное зеркало русской жизни, самый живой пріемъ. Почти нѣтъ ни одного уголка въ огромной имперіи,

куда бы не проникнулъ «Онѣгинъ», по крайней мѣрѣ въ видѣ изреченій, поговорокъ, намековъ на ежедневную жизнь. Такой приемъ отъ цѣлой націи, некупленный пошлымъ униженіемъ, а приобретенный возвышающимъ величіемъ, уже одинъ доказываетъ могущество творческаго гения Пушкина. Для критическаго глаза это произведеніе является въ высочайшей степени самобытнымъ и оригинальнымъ. Въ самомъ дѣлѣ, мы не знаемъ ни одного произведенія изъ извѣстнаго намъ литературнаго круга, которое бы можно было сравнить съ «Онѣгинымъ» Пушкина. Тотъ, кто бы вздумалъ тутъ указать на Байронова «Чайльдъ-Гарольда», показалъ бы только въ себѣ человѣка, не способнаго проникнуть дальше наружной стороны: это было бы все равно, что назвать «Германа и Доротею» Гете подражаніемъ Фоссовой «Луизѣ». Даже и тогда, когда Пушкинъ касается самаго обыкновеннаго, характеръ и направленіе его являются необыкновенно самобытными; поэтъ высоко паритъ надъ своими образами, изъ которыхъ одними онъ безопасно играетъ и шутитъ, другіе же скорбно прижимаетъ къ груди своей... Едва ли можно лучше характеризовать разноцвѣтную смѣсь веселаго и грустнаго, ироническаго и трогательнаго, народнаго и идеальнаго, являющагося въ формѣ этого произведенія, какъ сказавъ, что мы созерцаемъ въ ней Русь, что мы созерцаемъ въ ней Пушкина.

Исторія этого романа проста и связь не слишкомъ строга. Но мы потерялись бы въ частности, мы должны бы были приняться за переводъ, если бы захотѣли представить глазамъ читателя все богатство фантазіи, весь юморъ поэта въ отдѣльныхъ изображеніяхъ. Быстрота и сжатость повѣствованія, ироническія и эпиграмматическія отступленія, на которыя оно непрерывно разбѣгается, все это совершенно соотвѣтствуетъ предметамъ, являющимся въ произведеніи, предметамъ, которые именно таковы, что сами должны

были заманивать и увлекать поэта въ отступленія. Изображенія природы по своей простотѣ и ясности превосходны; весна, зимняя ночь, сельская тишина немногими краткими чертами являются намъ во всей непосредственности, во всей живости, мы живемъ, мы дышимъ въ нихъ; поэтъ просто называетъ вещь и она получаетъ очаровательнѣйшій художественный образъ. Лица, ихъ вышнее проявленіе, ихъ внутреннее существо все очерчено опредѣленно, вѣрно, рѣзко; всѣ лица вполне живыя существа, ихъ непосредственно видишь передъ собой, особенно характеръ Татьяны: это совершенно оригинальное созданіе, въ высочайшей степени граціозное, милое. На обоихъ друзей, на Онегина и Ленскаго, можно бы, кажется, смотрѣть, какъ на братьевъ Вальта и Вальта у Жанъ-Поля Рихтера, т.-е. какъ на разложеніе самой природы поэта; можетъ быть, онъ воплотилъ двойство своего внутренняго существа въ этихъ двухъ живыхъ созданіяхъ. Повѣствованіе о смерти Ленскаго, обстоятельства которой почти точь-въ-точь, почти буквально осуществились для самого поэта, нельзя въ этомъ отношеніи читать безъ содроганія. Темныя предощущенія, трогательныя чувствованія, которыя внушаетъ поэту взглядъ на собственную жизнь и судьбу, пробиваются также во многихъ другихъ мѣстахъ. Но и безъ того всякій, кто будетъ читать это дивное созданіе, долженъ будетъ признать въ его творцѣ человѣка благороднаго и мужественнаго, человѣка, хотя съ огненными страстями, хотя склоннаго къ заблужденіямъ, но пламяющаго и стремящагося ко всему хорошему, ко всему святому.

Борисъ Годуновъ.

Пушкинъ не далъ этому драматическому произведенію никакого родового названія; въ немъ нѣтъ раздѣленія на акты, и сцены слѣдуютъ безпрерывно одна

за другою; мѣсто дѣйствія также непрерывно мѣняется, а время дѣйствія обнимаетъ цѣлые годы. Если эти внѣшности, изъ которыхъ только первая можетъ казаться необыкновенною, заставляли самого поэта сомнѣваться, точно ли его произведение можетъ быть названо трагедіей, то это однако же ни минуты не должно приводить насъ въ раздумье дать ему это названіе.

Единство дѣйствія вездѣ строго сохранено и органически связуетъ части въ одно цѣлое. Планъ, ходъ и развитіе истинно драматическіе; впечатлѣніе, производимое цѣлымъ, также имѣетъ совершенно драматическій характеръ. Внѣшній объемъ равняется мѣрѣ обыкновенныхъ пяти актовъ и нисколько не было бы трудно, еслибы только это было нужно, распределить эти пять актовъ для представленія на сценѣ. Но созданіе поэта имѣетъ такія же права на эти свободныя формы, какія имѣютъ историческія драмы Шекспира и «Гетцъ фонъ-Берлихингенъ» и «Эгмонтъ» Гете; оно по своему духу, по идѣ и внутренней формѣ, близко къ созданіямъ этихъ гениевъ...

Поэтъ разоблачилъ передъ нашими взорами міровую судьбу. Борисъ, способный и достойный царствовать, достигаетъ престола посредствомъ преступленія и торжествуетъ надъ утратившимъ силу правомъ; тиетно онъ падѣется превратить свои достоинства и заслуги въ право, и злопріобрѣтенное передать любимому сыну, какъ честное наслѣдство. Изъ самого преступленія развивается месть; но не истина, не право низвергаетъ его, а новый обманъ, который ясенъ ему самому какъ обманъ. Поддѣльный видъ права уже достаточно силенъ для того, чтобы уничтожить злоприсвоенное владычество. Исторія не всегда такъ свершаетъ свой судъ; наши глаза часто едва-едва могутъ слѣдить по рядамъ столѣтій за Немезидой; но тѣ моменты исторіи, въ которыхъ судъ свершается такъ же быстро и